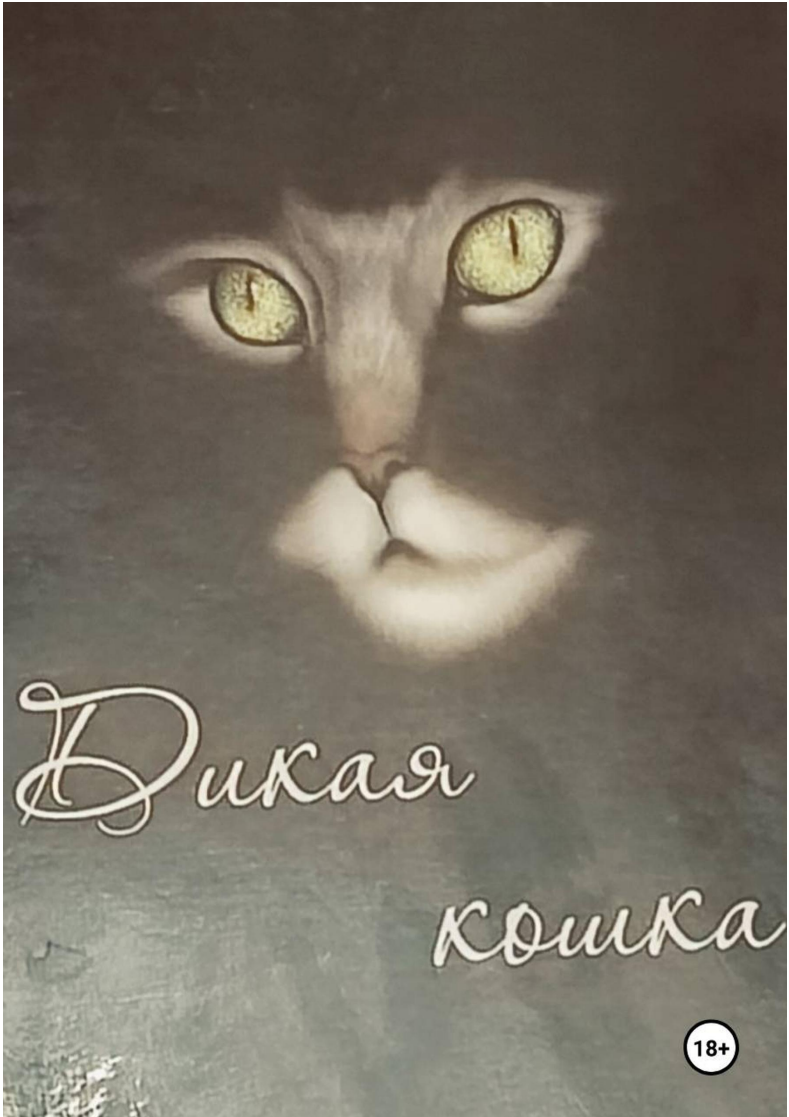
Дикая
кошка
18+

Надежда (Захарова)
Дикая кошка. Том 1

https://litres.ru/74808703
SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Дикая кошка» - семейная сага, где история страны раскрывается через судьбы нескольких поколений одной семьи. Автор сопоставляет жизненные пути родственников, показывая, как на личном уровне отражаются масштабные исторические процессы. «Дикая кошка» Надежды Захаровой следует этой традиции: частная жизнь Семеровых становится микрокосмом, где видны и общие тенденции развития страны, и уникальность каждой человеческой судьбы.

автор

Дикая кошка. Том 1

Роман «Дикая кошка» семейная сага, где история страны раскрывается через судьбы нескольких поколений одной семьи. Автор сопоставляет жизненные пути родственников, показывая, как на личном уровне отражаются масштабные исторические процессы. «Дикая кошка» Надежды Захаровой следует этой традиции: частная жизнь Семеровых становится микрокосмом, где видны и общие тенденции развития страны, и уникальность каждой человеческой судьбы.

автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1

С какой бы стороны ни шел путник, он видел на самой высокой точке возвышенности сельский поселок, отсюда крик петуха разносился на три губернии: Курскую, Орловскую, Брянскую. Поселок был построен людьми, попавшими под раскулачивание. «Орловскими рысаками» за гордый необузданный нрав, за красивую поступь называли жителей поселка. За утонченную душевность и напевность их величали Курскими соловьями. За степенность, за мертвую хватку их сравнивали с « Брянскими волками».

В поселке не было ни магазина, ни административных построек, только начальная школа да дивное единение передо-

вых людей своего времени с диким уголком природы. Два колодца находились у подножья возвышенности, нужно было иметь крепкое здоровье, чтобы принести воды, подняться с полными ведрами воды на кручу. Ни водоемов, ни рек вокруг населенного пункта не было.

Грибной край. Выйдет хозяйка за огород и уже несет ведро боровичков, трехлитровый бидончик пахнущей земляники. Дичи в лесах, что цветов на косогорах. Жили люди в поселке Самара в полной гармонии с природой до тех пор, пока на их долю не выпала страшная година Великой Отечественной войны.

Многие погибли, те, кто остался в живых, вернулись, строили мазанки и перебирались из подвалов, которые были их жилищем в период войны. Люди еще не оправились от смерти Сталина, а Вселенная посылала новые испытания: на этот раз - засушливое лето. Каторжный труд селян, где вместо лошади или быка за плугом ходили молодые девушки и женщины. Возрождалось животноводство и полеводство. В поселке Самара вырастили небольшое стадо коров. Телятница Зинаида работала с молодняком, сосунки ходили за нею, как за мамкой, потому что она не только кормила их, пасла, сторожила, но и жила рядом с ними в подсобном помещении фермы, так как не было у нее своего угла. Она случайно осталась в живых. Все ее родные заживо сгорели в сарае, подожженном немецкими карателями, вместе с жителями села.

Семеров Дмитрий Николаевич, как и до войны, работал

в поселке учителем начальных классов. Ему было за пятьдесят, жена моложе на десяток лет. Сын, допризывник Сергей и дочь Вера, младше сына на год, жили с родителями. У Марии Петровны наступила менопауза, чувствовала она себя скверно. То у нее поднималось давление, то ее рвало. Отработав в поле, дома она много времени отдыхала. За хозяйством ухаживали дети. Состояние здоровья жены ухудшилось, и Дмитрий Николаевич повез ее к фельдшеру, тот тщательно осмотрев ее, сообщил:

- Мария Петровна, вы беременны.

Любой диагноз, все что угодно смогла бы услышать Мария, но беременна? !

- Что? Что? - раздраженно переспросила врача.

- Вы беременны. Я заведу карточку на малыша и раз в две недели прошу на прием.

Фельдшер говорил, писал и вновь говорил. От такой новости у Марии Петровны наступило коматозное состояние.

- Четыре с половиной месяца. Неужто не слышали шевеление ребенка? - донеслись слова до Марии.

- Какого еще ребенка? Какое сердцебиение? Я все это время была на грани жизни и смерти…лучше посоветуйте, что мне делать?

- Рожать, - услышала она утвердительный ответ доктора, - в следующий раз ко мне на прием придете с мужем.

- Он здесь, - ответила Мария Петровна, - только все решать буду я.

- Мария Петровна, пусть он зайдет ко мне.

- Зайдет? Конечно, зайдет. Сейчас скажу.

Она медленно оделась, взяла сумку, закрывая за собой дверь, обронила слова:

- Свидания у меня с Вами не будет.

Дмитрий Николаевич стоял на улице.

- Дима, зайди к доктору, он с тобой хочет поговорить,- сказала она мужу.

Дмитрия Николаевича на долю минуты охватила оторопь, он, вытирая со лба пот, судорожно привязал лошадь к столбу забора и спокойно спросил у жены:

- Ты здесь подождешь меня, или в помещение пойдем?

- Нет, мне на улице легче.

Он ушел к доктору. Его долго не было. Затем отворилась дверь, и вышел Дмитрий Николаевич. Вытащил спички, прикурил папиросу. Сделал несколько затяжек. К нему подошел агроном колхоза.

- Здравствуйте, Николаевич, - произнес агроном, - ты же не куришь? Что-то серьезное?

Дмитрий Николаевич промолчал, бросил недокуренную папиросу, сплюнул, и хрипло произнес:

- Тут не только закуришь, но и… - махнул рукой и пошел к жене:

- Садись, поедем домой, дорога дальняя, вечереет, да и мороз крепчает.

Он заботливо подстелил попону поверх сена, усадил Ма-

рию, укрыл ее ватным одеялом.

- Удобно? - спросил он.

Ответа не последовало. Мария Петровна сидела отрешенно. Дмитрий Николаевич насторожился, но лицо жены выдало еле заметную ухмылку, означающую подвох. Он разозлился на жену, стегнул кнутом Красавку.

- Ухмыляется, окаянная. Только посмей что - либо сделать с ребенком, я тебе вихор накручу. Быстро выскочит блажь из головы.

Пока он негодовал, вожжи опустились, и лошадь стала.

- Но, пошла, тварь, сама себе на уме. Хочу еду, хочу стану. Но!

Он поднял кнут и опустил на круп лошади. Та от неожиданности побежала трусцой.

Ехали два самых близких человека, понимающие друг друга, прошедшие невзгоды, пережившие войну. Ехали и молчали. Каждый думал об одном и том же, но по-своему.

- Дима никогда не согласится на аборт. Никогда. Это надо сделать без его согласия, а потом сказать, что выкидыш. Нет. Может, полезть в погреб и закричать, что якобы упала, а самой заранее сходить до повитухи, бабки Лизы, пусть она вызовет роды? - раздумывала Мария.

Дмитрий Николаевич посмотрел на жену и подумал:

- Мария здорова и у нас будет малыш. И надо же такое сказать врачу, что она сделает аборт! Словно черт руководит бабой, но я тебя вылечу, я тебе прочитаю «Отче наш». Ты

у меня забудешь об аборте. Посмотрел на Марию, и сердце сжалось от любви к своей единственной верной спутнице.

- Господи, если ты есть, обуздай строптивость Маши, помоги ей выбрать правильное решение. Ведь ты, Господи, не поощрил бы умертвить, пусть еще не родившегося, но живого человека. Да разве мы воевали и победили ради того, чтобы наши жены в чреве детей убивали?

Но…- между думами понукал он медленно идущую тощую лошадь, - но, Красавка, но.

Шесть верст показались Дмитрию Николаевичу долгими, но мыслил он только об одном:

- Ребенок должен родиться. Пусть только попробует сделать аборт.

- Вот мы и дома, - услышала за всю дорогу Маша слова мужа.

Он поднялся с саней, помог встать жене и сказал:

- Иди в хату, а я распрягу лошадь и приду домой.

Вечерело. Сергей носил воду из колодца. Вера кормила скотину.

- Какой ребенок? - размышляла Мария Петровна. - Есть нечего, дети голые и босоногие, от соседей стыдно, - думала она.

С этой мыслью она заснула. Дмитрий Николаевич зашел в хату, жена безмятежно похрапывала. Вышел во двор, набрал под навесом сухих дров, принес в хату, растопил печку, разогрел суп, но будить жену так и не решился. Перево-

рошил все события, перекроил жизнь с Марией на две половины - до войны и после, и всегда с ним рядом надежная и любящая жена. Двое совместных взрослых детей, и вот, на старости лет, у них будет еще один ребенок. Только под утро заснул Дмитрий Николаевич. Проснулся от позвякивания посуды на кухне. Потянулся, счастливо улыбнулся новому дню, встал и пошел к жене.

- Доброе утро! Давно проснулась? - спросил он ее.

- Вчера рано легла, выспалась, как никогда. Я беременна, малыша надо кормить.

На ее лице появилась улыбка. Дмитрий Николаевич решил не тревожить Марию лишними разговорами. Он подумал, что теперь ей самой дорог малыш.

Зимние школьные каникулы - праздник для детворы и отдых для учителя.

- Маша, я пойду на болото, нарежу лозы, наплету корзинок и плетушек, - сказал он.

- К завтраку возвращайся ,- попросила Мария.

- Хорошо, - ответил он.

Он взял нож, брусок, веревку и вышел из хаты, быстро добрался до кустарников лозы, расположенной за огородами.

- Мужики еще не резали - размышлял он, - лоза длинная, ровная, сгибается в маленькое колечко. Надо будет плести корзины и продавать.

Мысли, как пчелы, роились в голове, он их примерял к жизни, пока что теоретически. Не заметил, как нарезал

столько лозы, что еле поднял вязанку. Мороз крепчал, он шел по снежному насту. Около хаты сбросил с плеч вязанку, решил постоять на свежем воздухе и увидел Марию, вышедшую из калитки повитухи.

- Наверное, ходила поделиться беременностью, - подумал он.

- Хлеба взяла к завтраку, тесто поставила, напеку только лишь к обеду.

- И зачем же ты так много нес, другой бы раз сходил? - с сожалением обронила жена.

Он молчал и смотрел на Марию. Ей стало не по себе, она отвела взгляд, и произнесла:

- Пойдем, Дима, завтракать, дети проснулись.

Зашли в хату. Мария накрыла на стол.

- Садитесь, - сказала она детям и мужу, - будем завтракать.

За завтраком Мария сообщила Сергею и Вере, что она беременна, боясь увидеть в глазах укор детей.

- Какое счастье ,- воскликнул Сергей, - мам, ты героиня, я горжусь тобой. Отец, а ты, ты такой молодец. Мы с сестричкой вам поможем.

Он искренне, от души, хохотнул и добавил:

- Ох, и любить будем.

2.

Снег сменил морозы. Его разлапистые хлопья падали

плотной пеленой. Дмитрий Николаевич вечером, доплетая последнюю лозу, сетовал:

- Как теперь до лозы добраться? Пусть и недалеко, но снегу навалило столько, что ног не вытащить.

- Не переживай, - сказал Сергей, - мы с Верой привезем.

Дмитрий Николаевич затушил керосиновую лампу, чтобы не разбудить Марию, лег на деревянном диване на кухне.

- Вера, Вер, - толкал Сережа сестру, - вставай, забыла, что обещали отцу привезти лозы?

Вера спросонья что-то промычала, он закрыл ей рот ладонью, прихватив нос, так плотно, что через секунду она проснулась. Оделась и на цыпочках прошмыгнула около спящего отца. На улице они рассмеялись. Взяли двое санок, ножи, веревки, и гуськом, ступая след в след, пошли за лозой. Вначале они притоптали вокруг кустов снег, чтобы лоза была длинной, затем начали резать. Работа спорилась. Ребята навьючили лозу на санки, привязали ее, и по тому же следу, пошли домой.

- Дима, - вставай! - тревожно закричала жена.

Он вскочил.

- Где ребята? - спросила она мужа.

- Не знаю. Может в хлеву.

- Нет. Я там уже смотрела. Там их нет.

- Значит, за лозой пошли, - успокоил он ее.

В это время в хату ввалились розовощекие, пылающие жаром дети.

- Отец, - сказал Сергей, - мы привезли лозы.

Дмитрий Николаевич посмотрел на них, на сердце стало тепло и радостно, он, глядя на Сергея, обронил:

- Мужик сказал - мужик сделал.

- Спасибо, Сережа. А краснощекую толстушку Верочку обнял и спросил:

- Устала?

- Немного.

Мария приготовила завтрак.

- Ешьте, работнички.

Ребята дружно ели суп вприкуску с духмяным хлебом. Поели и пошли спать.

Дмитрий Николаевич вышел в сени. Вчера он не предупредил детей, чтобы выбирали длинную и тонкую лозу, чтобы наплести высоких плетушек. Он вытащил первую попавшуюся лозинку, взмахнул ею. Лоза, извиваясь, разрезая воздух, издала свист.

- Молодцы, первоклассная лоза, - произнес он.

Дмитрий Николаевич решил сплести корзину, чтобы ее можно было поставить на дроги - вези, продавай, хоть картошку, хоть яблоки. Живые деньги. Мария в это время положила за пазуху большую белую тряпицу, взяла ведро со свеклой и прошмыгнула в хлев. Дмитрий Николаевич затащил в хату лозу, приступил к работе. За делом время летело незаметно, но спина и ноги замлели, Когда он вышел на улицу размяться, то увидел пошатывающуюся, медленно шедшую

к дому Марию. Дмитрий поспешил к ней навстречу.

- Мария, что случилось?

- Все нормально ,- обронила она.

Дмитрий подал ей руку и его взгляд упал на окровавленный след. Страшная мысль пронеслась в голове, и он в сердцах закричал:

- Ты где была, тварь? Что ты натворила?

Развернулся и побежал по следу, который привел его к хате повитухи. Ворвался в хату и с порога закричал:

- Ты что сделала с моей женой и ребенком?

- Что попросила Мария, то и сделала, - безразличным тоном ответила бабка Лиза.

- Сука, если не родится ребенок, я тебе башку отобью. Ясно? И чтобы не привечала больше Марию. Мерзость костлявая. Будь ты неладна!

Он выскочил на улицу, бегом побежал к своей хате, чтобы помочь жене. Настиг ее в сенях, завел в хату и громко позвал сына:

- Сергей, просыпайся!

Сергей подошел к родителям, когда отец укладывал окровавленную мать на кровать.

- Сережа, бегом к бригадиру, бери лошадь и езжай за фельдшером. Скорее, сынок.

Когда сын закрыл за собой дверь, он потребовал от жены:

- Рассказывай:

- Мне нечего рассказывать, - ответила она.

- Тогда меня слушай: ребенок должен родиться, и он родится, но за его полноценность и здоровье отвечать придется тебе.

Мария то приходила в сознание, то опять его теряла. Сергей привез фельдшера, тот поздоровался, помыл руки теплой водой, и укоризненно покачав головой, спросил:

- Что, Дмитрий Николаевич, не уберег жену? А я ведь тебя предупреждал.

Дмитрий Николаевич виновато, понурив голову, молчал.

Фельдшер осмотрел Марию и сказал:

- Все в воле Бога: и ее здоровье, и здоровье ребенка. Матку приоткрыли, естественно, попал воздух, ребенок может быть умственно отсталым.

- Через недельку я к вам сам приеду, - сказал фельдшер, - а пока будем надеяться на лучшее.

Заехал фельдшер, как и обещал, осмотрел Марию, улыбнулся и сказал:

- Пронесло. Теперь покой, свежий воздух и ничего тяжелого.

Сергей ни на минуту не оставлял мать. Верочка, как приклеенная, везде была рядом с отцом.

- Пап, можно я попробую тоже плести?

- Можно, - ответил он.

- Мы с Сергеем хотим поступить в училище. Будем деревообработчиками. Строгать, пилить ты меня научил. А теперь и плести научусь.

Ловкие детские руки быстро освоили незамысловатые плетения. Все деньги от проданных изделий они отдали Марии, при этом Верочка сказала:

- Это для братика или сестрички.

Стыд, горечь, обида и недовольство за свои поступки сделали Марию замкнутой. Она с содроганием ожидала появления малыша.

- А вдруг, - думала она, - глаз или рук не будет, или вообще урод родится?

3.

Жаркой июньской ночью родилась зеленоглазая, с руками и ногами, звонкоголосая девочка. Как-то Сергей подошел к маме и сказал:

- Наша Таня громко плачет…

Так и решили дать имя - Таня. Это крикливое создание не давало покоя не только семье, но и всему поселку. Зинаида приходила с фермы и забирала Танюшку с собой, так они зоревали по очереди. Мария и Дмитрий взяли ее потом кумой. Впоследствии построили себе небольшой домик, а Зинаида стала жить в их старой хатке и помогать нянчить крестницу. Однажды, обессиленная от бессонных ночей Мария попросила мужа, показывая на дочь:

- Вынеси эту дикую кошку за деревню, погуляй с нею в поле, дай хоть часок посплю.

Дмитрий Николаевич был с детками на летних каникулах

лах. Каждый день забирал накормленную материнским молоком дочурку, уходил с нею за околицу поселка. Пел ей песенки, рассказывал разные истории. Она ничего не понимала, но под спокойный бархатистый папин баритон засыпала. А он садился на теплую землю, вытаскивал книгу и читал вслух. Подолгу любовался ее временами насупленным недовольным личиком, губки в это время расползались, и его кошечка была готова в любую минуту не плакать, а сразу кричать. Так прожили они голодный, холодный, бессонный тысяча девятьсот пятьдесят третий год. Затем Танечка подолгу играла сама с собою в куколки. В одиннадцать месяцев начала ходить и одновременно разговаривать.

Как и говорила Вера, они с Сергеем поступили в училище и приезжали домой редко, на выходные. Все внимание, любовь и забота отца были подарены Тане. Мария к воспитанию девочки относилась спокойнее, чем отец. Стирала, убирала, кормила. Она любила первенца Сергея и Верочку. Нежеланное дитя впоследствии оказалось не очень- то любимым. Зато отец и дочь были неразлучными. Он для нее был и мамой, и папой, и первым учителем, и верным другом, и защитником. Взгляд отца никогда не скользил поверх, он был всегда направлен вглубь дочери, поэтому он знал о ней все до мелочей. Они часто вечерами гуляли, и Таня однажды спросила:

- Папа, а почему ночью солнышко маленькое и не греет?

Дмитрий Николаевич рассказывал ей, как взрослой, о том, что это луна. А затем и о луне, и о звездах, которые све-

тят, но не греют. Так, постепенно, девочка узнавала о дне и ночи. Садика в поселке не было. С раннего детства она была с папой в школе. В пять лет стала хорошо читать и писать.

Снег стаял, до Вербного дня оставалось несколько дней. Дмитрий Николаевич с дочкой пошли в посадку за веточками вербы. Нарезали, земелькой замазали ранки на кустике.

- Папа, а что, земля – лекарство? – спросила Таня.

- Да, земля не только лекарство. Земля – кормилица. На ней мы выращиваем овощи и фрукты, она нам дарит хлеб. Если посмотреть на все, что мы видим, то получается: Земля-матушка, Солнце-батюшка, Ветер - это их лучший друг, а ключики под землей, им являются сестричками, которые щедро их поят. Но самый верный для всех друг - Воздух. Без него никто не может прожить и несколько минут. Земля, на которой мы стоим сейчас – наша с тобой малая Родина, а большая Родина-это Россия.

- Пап, - сегодня я и мои друзья будем играть в школу, и я проведу урок. Надо пригласить мальчиков.

- Зачем мальчиков? - переспросил отец.

- Чтобы было все по- настоящему, - говорила дочь, - мальчишки будут солнцем и ветром.

- А почему ты так решила? - выспрашивал отец.

- Ты что забыл? Она – это земля и вода, ветер он.

- Танечка, а солнце на какой вопрос отвечает? - поинтересовался папа.

-Солнце, оно, - ответила дочь и продолжила,- У меня

мальчик, Саша Бартеньев, будет солнцем.

- Он, что - круглолицый? - спросил отец.

- Он полный, значит, теплый, большой, добрый и ласковый.

Отец взял за руку дочь, и они пошли домой.

- Умненькая девочка, - подумал отец.

Его раздумья о дочери прервал возглас Тани:

- Смотри, пап, маленькие собачки.

- Где, собачки? - переспросил он.

- Да вот они, - она показала в сторону березовой посадки.

Дмитрий Николаевич сам приучал Таню видеть во всем обыкновенном что-то необыкновенное, но сейчас он не мог рассмотреть собачек, вокруг стояли тонкие, голые березки.

- Где? Покажи мне, я не вижу.

- Все березки – стая собачек, беленькие с черными точками,- пыталась пояснить Таня.

- Далматинцы? - спросил Николаевич дочь.

- Да, они, а вот стволики у березонек от земли - это их хвостики.

Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие разовые тучки стояли высоко в ясном небе, и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. Дмитрий Николаевич поднял Танюшку на руки и произнес:

- Спасибо за урок, действительно они, эти худенькие березки, похожи со стороны на собачек. - И опуская ее на зем-

лю, прижав дочь к себе, нежно сказал:

- Какое счастье, когда мы с тобой вместе.

- Папа, можно я сама веточки поставлю в воду? Теперь уже «зюлечки» пить захотели, - сказала Таня.

- Таня, кто захотел пить? - спросил отец.

- Зюлечки?

- А кто это?

- А вот видишь на веточках вербы такие пушистые комочки, похожие на маленьких гусят.

Дмитрий Николаевич рассмеялся:

- Беги, пои своих гусят.

Когда он открыл дверь, Мария вязала носки и мирно беседовала с Зинаидой. Танечка набрала в трехлитровую банку воды и поставила веточки вербы. Дмитрий Николаевич вошел в дом:

- Здравствуй, кума.

- Здравствуй.

- Мария, собери поесть, мы проголодались, - сказал Дмитрий Николаевич.

- Я пойду, - смущенно произнесла Зинаида.

- Кума, давай пообедаем вместе.

- Хорошо. Если честно, одной в рот пища не лезет. Мое одиночество сглаживает Таня.

Пообедали. Таня и Зинаида собрались идти на ферму.

- Мам, где мои сапоги? - спросила дочь.

- На загнетке сохнут, - ответила мать.

Таня полезла за сапогами, наступила на кошку. Та мяукнула и опрометью бросилась прочь.

- Аккуратней, - громко крикнула Мария. - Не сама, как черт тебя носит.

- Я нечаянно, мама. Я не хотела.

Таня с Зинаидой ушли.

- Маша, ты к дочери относишься хуже, чем к падчерице.

- Чтобы не делала, либо разобьет, либо боль принесет, - прибирая со стола посуду, буркнула Мария.

- Она не паинька, но когда ты незаслуженно ругаешь ее, легко раздражается и даже плачет, но в данной ситуации, это не проделки ее, а любознательность, - оправдывал дочь Дмитрий Николаевич, - хочет все сделать быстро, но не всегда получается.

- Вся в тебя, - съязвила Мария.

Дмитрий Николаевич привык к прямоте жены и всегда на колкие ее слова старался не показывать обиду. А тут не выдержал:

- Что кривляешься? Не к лицу матери такие слова.

- Столько здоровья она у меня отняла своим появлением, - гневно произнесла Мария.

- Она боролась за жизнь и победила. А ты боролась за что? Зачем пыталась взять грех на душу? Зачем пошла к костлявой повитухе? Она наша дочь, а ты всегда холодна…. Ты думаешь, ребенок не чувствует?

Мария молча, убирала, мыла посуду, потом сказала:

- Может, ты и прав. Я постараюсь быть снисходительней к ее проступкам.

- Не к проступкам, а к дочери быть добрей.

С улицы пахнул ветер, и повеяло весенней свежестью. Между рамами, от солнечного тепла, ожила муха. Она настойчиво жужжала и неистово билась. Мария подошла к окну и увидела почтальона Наташу. Мария Петровна открыла дверь.

- Заходи, Наташа, - пригласила Мария, - чем порадуешь?

- Порадую, Петровна. Принесла ваше долгожданное письмо от подруги.

Мария взяла письмо, поблагодарила Наташу и вошла в дом. Вскрыла его и начала читать:

- Здравствуй, Маша, как твоя дочурка Танечка, Дима, Сережа и Верочка?..

Маша пробежала зрительно, затем во второй раз перечитывала, вдумываясь в каждое слово подруги.

- Маша, очень боюсь, одиночества и не понимаю, чего боюсь, ведь я с рождения одинока.

Пытаюсь уйти от себя и снова попадаю в зависимость своих желаний. Как же я давно не улыбалась, а ведь только чистая улыбка срывает весь негатив с души, гадкую сущность нутра. Прошу Бога, чтобы дал мир моей душе, понимания, сострадания, умения прощать и любить. Вчера отослала письмо Анне Фоминичне. Хотелось порадовать старушку, что я одна вскопала ее земельный участок и посадила

картошку. Спасибо, Маша, Николаю за то, что была рядом с ним. Позволяла себе быть женщиной, научилась быть нежной. Думаю, что мне нужно благодарить Всевышнего за то, что, познав бочку с дегтем, нашла в ней ложку меду.

Машенька, жаль, что Коля никогда не сможет быть со мной вместе. Закопался он, закичился своей значимостью. Как слепы мы бываем. Довольна, что хотя бы сейчас у меня пелена с глаз спала. Маша, береги Диму, не кочевряжься, цени все, что есть. Летом пойду в отпуск, обязательно приеду.

До встречи. Ангелина.

Дмитрий Николаевич в светлой домотканой косоворотке и старых сандалиях, а рядом, в саду на траве в теплых штанишках и вязаной кофточке сидит Танечка.

- Танюша, вот мы с тобой прожили пять весен, а сколько их у нас еще будет. Бывает у каждого самая главная весна, когда к человеку приходит единственная на всю жизнь любовь.

- Ко мне, папочка, пришла весна. Я тебя люблю.

Дмитрий Николаевич заглянул в ее зеленые глаза, улыбнулся и сказал:

- Спасибо, доченька.

- Папа, посмотри, солнышко, словно расползается по горизонту, значит, ночь будет звездная?

- Молодец, Таня, правильно подмечаешь.

Таня задумалась и посмотрела на небо.

- Сейчас звезд нет, а как только станет темно, все они про-

явятся. А можно сказать, что все небо будет звездами утыкано?

- Можно и так сказать, но правильнее и красивее - все небо усеяно звездами.

- Папа, а почему Солнце всегда большое и круглое, а Луна разная?

- Как это Луна разная?

- То круглая, - размышляла Таня, - а то арбузной долькой, а иногда на серп похожа.

- Если на небе луна - всегда к хорошей погоде. Летом - к солнечному дню, зимой - к морозу, безветренному дню. В начале месяца - нарастающая луна, середина - круглая или полнолуние, к концу месяца луна вновь становится меньше, пока не станет долькой. По лунному календарю сажают картофель, лук. Танечка, роса выпала, травка стала мокрой, идем домой, - сказал отец.

Он встал, взял на руки дочь и понес, чтобы она не промочила ноги, а Мария Петровна в это время писала ответ на письмо Ангелины.

- Дорогая, Ангелина, получила твое письмо, сразу решила написать. В деревне, если замешкаешься с ответом, то потом работа, семья, хозяйство и написать некогда. Дима с Таней пошли на прогулку. В следующем году ему будем отмечать шестидесятилетие. Таня пойдет в первый класс. Торопится Дима вложить самое лучшее в дочь. Лет жизни у нас с ним немного осталось. Хотя бы успеть образование дать. Что же

касается меня, могу сказать одно:

- Ты права. Нет плохих людей, это я несовершенна. Не умею я подчиняться. Нет во мне смирения. Почему? Почему мои действия идут вразрез с мыслями? Ведь и Таня такая же строптивая, как орловская кобылица. Спасает меня моя семья. Прости, Ангелина, снова жалуюсь. Боль то в спине, то в левой руке, а самое страшное – это смятение в душе. Приедешь в отпуск, у нас будет время наговориться. Погода у нас хорошая, везде зеленая трава, даже одуванчики на солнцепеке раскрылись. А вот и Дима с Таней вернулись. Мы ждем тебя. До встречи. Маша.

Мария Петровна налила воды в чайник и поставила его на плиту. Выглянула в окно. Дмитрий и Таня стояли во дворе и спокойно вели беседу. Чайник засвистел и стал выплевывать через носик белую накипь на плиту. Мария сняла его и поставила на подставку. Таня открыла дверь и радостно произнесла:

- Папа, заходи, чай будем пить.

Мария подала вареники с творогом и сметаной. Отведав вареников, попив чаю вприкуску с кусковым сахаром, легли спать. В памяти Марии невольно всплыл эпизод ее знакомства с Ангелиной. Немцы выгнали жителей деревни и погнали в сторону Бердичева. На руках Марии были двухлетний Сережа и годовалая Верочка. После долгих мытарств под конвоем, людей пригнали в Бердичев поздно вечером. Марию с двумя маленькими детьми никто не хотел брать на

постой. И тогда, неожиданно, из толпы людей вышла девушка и сказала:

- Меня зовут Ангелина, а тебя как?

- Маша, - ответила она.

- Дай мне девочку, а себе оставь мальчика. Постараемся устроиться на один двор. Иначе тебя с двумя малышами никто не возьмет.

Мария согласилась. Живя с Ангелиной и детьми в одном доме в телятнике, стали друг другу как сестры. Люди от голода пухли и умирали. Ангелина прикипела к детям и ради них ходила в соседнюю деревню просить милостыню. Иногда приносила кусок хлеба, луковицу, свеклу и две-три картошки. Хлеб она клала по кружкам детям и разводила кипятком. Сами на ночь пили только кипяток, заваренный веточками малины или смородины. Спали в тепле.

Мария ворочалась с боку на бок, а мысли, как надоедливые мухи, не только лезли в голову, но и больно кусали.

- Надо вставать, хватит мучиться. Лучше овец постригу. Завтрак приготовлю. Дима последнее время рано ходит на работу, - размышляла она.

Овцы, после стрижки, стояли во дворе, как дети, с короткими челками. Маша готовила завтрак. Дима, протирая глаза, умылся. Подошел снять полотенце, взглянул на жену и увидел уставшее измученное лицо Марии.

- Мария, так и не удалось заснуть? - уточнил он.

- Вчера получила письмо от Ангелины, вновь пережила и

наше знакомство, и нашу военную жизнь. Ведь я с ребятами осталась жива благодаря этой хрупкой женщине.

- В гости не думает приехать? - спросил Дмитрий Николаевич.

- Обещает, - молвила жена.

- Вот и наговоритесь вдоволь, - произнес Дмитрий Николаевич.

Провожая мужа, Мария увидела Игната и Тимофея.

- Давно зорюешь? - спросил Игнат Иванович Тимофея Даниловича.

- Не только я. Учителю тоже не спится. Видишь, пошел в школу, переоборудует класс. Шкафы поделал, новую школьную доску смастерил. Эх, Иванович, глазами я еще бы молодым в работе не уступил, а стану что делать, задыхаюсь. Не дают покоя оставшиеся во мне пули от войны, вот и остается только зоревать. Ты видел озимые? Как щетка, от морозов уцелели. Может, хоть хлебушка вдоволь наедимся.

- Так-то оно так, кабы лето не подвело, а то, то засуха, то дожди, - засопел Игнат, выпуская дым самокрутки.

- Все одно соберем урожай. Молодежь на каникулы приедет, большая подмога будет,- уверенно произнес Тимофей, - думаешь, государство обманешь. Неспроста придумали паспорта ребятам и девчатам на руки не давать, чтобы не улизнули в город.

Игнат Иванович снял картуз, почесал затылок и беззубым ртом прошамкал:

- А я кумекаю так, молодежь сама сделает выбор, где им лучше жить и работать. Земля, Тимоша, притягивает, да что там притягивает, как трясина засасывает, требуя к себе заботу и внимание. Деревенские люди с малолетства работящие. Не могут они бросить ни мать, ни землю и уехать в город.

Оба затянулись дымом от своих самокруток и замолчали. Тимофей Данилович заерзал, закряхтел, тяжело вставая, произнес:

- Дожить хочу до сытных дней, наесться, чтобы на том свете есть не хотелось,- хохотнул и добавил, - пошли, что ли, по домам. На сегодня хватит зоревать.

Огненное зарево востока запылало в маленьком проеме избы, Тимофей Данилович досматривал сон, лежа на дубовой кровати, которую смастерил, когда вернулся с войны. Ему снилась последняя битва, битва за Рейхстаг. Он видел во сне победу, к которой стремился, и вот он удовлетворенно что-то пробормотал и стих. Его дыхание сделалось неглубоким и легким. Морщины расправились, лицо смягчилось, стало безмятежным.

Игнат Иванович узнал о кончине своего боевого товарища. Почесал затылок и тихо произнес:

- Тимоша, точили тебя пули и раны, а под мирным небом догнала тебя война. Спи спокойно, Тимоша, а урожай будет, обязательно будет, только теперь я и за тебя и за себя наемся. Эх, незадача. Всю жизнь ты впереди меня. Даже и умер первым.

Солнце неумолимо спешило к западу. Потянуло прохладным весенним ветерком. На похоронах были всей деревней, учитель пришел к своему боевому товарищу на кладбище с учениками. Дмитрий Николаевич после выступления почитал свое стихотворение, посвященное Тимофею Даниловичу.

Мечтал богатым, знатным стать.
И телу своему под стать
Здоровьем до ста лет блистать.
Орлом над миром чтоб летать.

Прожил невзгоды, смог понять-
Смысл жизни надо поменять
И пылкий норов убавлять,
И алчностью не удивлять.

Не воровать, не убивать,
Тогда богатым можно стать.
И добродетелью под стать
Признание людей снискать…

…Опущен гроб, стон не унять:
Лопат не надо применять.
По горсти бросили земли.
Все думали, он их поймет…
…И холм готов. Снискал почет.

Игнат Иванович смахнул слезу.

- Зябко стало ,- поежился он.

Небо стало затягиваться тучками.

Сильнее подул ветер.

- Может, к ночи ветер дождик нагонит.

Скорбит природа по Тимофею, - подумал он.

На следующее утро Игнат Иванович сидел около своего дома на травке с газетой в руках.

Вытащил из кармана пиджака очки, надел их, развернул газету и стал по слогам читать. Он так увлекся, что не заметил, как к нему подсел Фрол Степанович.

- Что нового пишут?

- Тьфу ты, испугал, - пробасил Игнат Иванович.

- Было, было руководителей государства, но таких, как Хрущев, еще не было. Всю страну решил засеять кукурузой и горохом. Понятно, кормить и людей, и скот надо, но не одной, же кукурузой и горохом. От них пучит не только людей, но и животных. Зерно сажать надо: и хлеб хорош, и мука хоть куда. А то, что же, нам горох да кукуруза, а за бугор зерно?

- Да…- однозначно ответил Фрол Степанович, - при Сталине давно бы тебя на травке не было. Ишь ты, распоясался. Если при Хрущеве наступила оттепель, это не значит, что каждый должен, что негоже вякать.

Игнат про себя пробурчал, покраснел до ушей, бросил косой взгляд на Фрола. Фрол Степанович встал так же тихо,

как и подошел.

- Ты, Игнат, брось разглагольствовать. Жизнь пусть медленно, но налаживается. В этом году еще больше чем в прошлом земли вспахали под зерновые. Это значит, что семян на посев в следующем году заложим на зиму еще больше. Вот смотрю я на тебя, и очки у тебя на носу, как седло на лошади, и газета в руках, а дальше носа ничего не видишь. Да что с тобой говорить - пошел я. Сидишь, как сыч, от безделья в склоки ударился. Пойдем на ток, снимем брезент с зерна, пусть просыхает.

- И то, правда, - согласился Игнат Иванович.

И они заспешили за село к току. Не успели они справиться с делом и перекурить, как стал подтягиваться народ.

- День год кормит, - говорили довольные старики студентам, прибывшим на помощь уборки зерна.

4.

Семеров Сергей приехал со своей девушкой, решил познакомить ее с родителями и помочь селянам сушить зерно, а заодно заработать трудодни.

Обнимая Катюшу, он говорил ей:

- Хлеб жителями нашего поселка воспринимается не только как еда, но и как священный символ. Он постоянно находится на столе в красном углу под иконами. Раньше во время трапезы его делил и раздавал хозяин дома, прежде осе-

нив его крестом. Хлебом в поселке благословляют жениха и невесту, встречают молодых из-под венца и любого гостя в доме. Хлеб кладут в колыбель новорожденному, хлебом поминают покойника. Крошат на кладбище на могиле для птиц, которые являются воплощением душ умерших. До сих пор в поселке люди свято верят, что когда в доме режут хлеб, то души умерших слетаются на запах, для чего иногда открывают окно.

Катя, затаив дыхание, слушала рассказ Сережи о хлебе и гордилась его осведомленностью. Она знала, что он после учебы вернется в родной поселок. Ей понравился орловский край, да и люди здесь сердечные. Она посмотрела на Сергея и спросила:

- Как ты думаешь, урожай зерновых хороший соберем? - услышав свой вопрос, удивилась, гость, а метит в хозяева.

- Мы надежду Тимофея Даниловича должны оправдать, - продолжил он. Да кстати, Катюша, во вчерашнем номере газеты пишется, что с февраля будущего года паспорта молодежи будут выдавать на руки.

- Я почитала еще вечером, - ответила девушка.

- Закончу учебу, получу паспорт и вернусь в свой колхоз, - сказал Сергей, - хорошо, если бы ты была рядом.

Катя опустила голову, чтобы скрыть радость, отразившуюся в ее глазах. А Сережа продолжал:

- Еще пишут, пенсия будет двенадцать рублей. Сколько лет работал колхозник за палочку, а теперь на трудодни бу-

дет начисляться зарплата. Теперь старики могут работать в колхозе по желанию и по состоянию здоровья.

- Размечтался, - улыбнувшись, произнесла Катя, - они разве усидят дома, тем более, если председатель колхоза попросит помочь, а это и посадка, и прополка, и уборка, и сенокос. Все, кто только смогут двигаться, будут в поле, никто не будет сидеть, сложа руки, дома. А если кого подведет здоровье, то прокормит себя с личного подсобного хозяйства.

Сергей обнял Катюшу и попросил:

- Почитай свои стихи.

- Хорошо, - согласилась она.

Стихи были пропитаны любовью к старикам, которые жили в деревнях одни, без детей.

- Катюша, больно слушать такие стихи.

- Сережа, они о смысле жизни на земле.

- А можно что-нибудь проще? - попросил Сергей девушку.

- Можно и проще, - и начала читать дальше.

С тобою мне комфортно и удобно.

Ты не храпишь, не куришь по ночам.

Я расползлась, я стала пышкой сдобной.

Подвластно все моим очам.

Когда Катя прочла четверостишие, Сергей обнял ее и произнес:

- Здорово!

На него нахлынули нежность и гордость за нее, он поцеловал ее в губы. Они еще долго сидели, молча, прижавшись,

друг к другу. Молчание нарушил Сергей.

- Луна круглая, улыбчивая, как лицо девушки. Зерна намолотили много, хотя бы за неделю успеть высушить и в закрома уложить. Пойдем спать, а то завтра на работу.

- Пойдем, - согласилась Катя.

Они встали и пошли в хату.

- Наши все спят, - прошептала девушка.

- Катюша, может быть, ляжешь спать вместе со мной?

- Вместе с тобой? Нет. Спать будем раздельно.

Сергей вздохнул:

- Я очень люблю тебя, котенок. Спокойной ночи и сладких тебе снов.

Сергей вошел в свою комнату, не включая света, разобрал кровать и лег.

-Не пошла, может это и к лучшему, будет думать, что привязываю близостью. Мне еще служить, ей учиться. Дождется - обязательно будем вместе.

За размышлениями не заметил, как заснул, а когда проснулся, вышел во двор, то увидел Катю за странным занятием. Босоногая, с распущенными волосами, в ночной рубашке, она наклонялась, собирая росу с травы ладошками, и умывалась. Чтобы не напугать ее, он кашлянул.

Она повернула голову, улыбаясь, пошла к нему навстречу.

- Доброе утро, Сережа, - нежно обняла и прошептала, - как спалось?

- Как в раю, - сказал он и обнял ее, - скажи-ка мне, Ка-

тенька, что это ты сейчас делала?

- Умывалась росой, - ответила она, - чтобы быть всю жизнь красивой и нравиться тебе.

- А то, что ты в одной рубашке и босоногая тоже для красоты?

- Нет - это для крепкого здоровья. Закаляюсь я, и одновременно делаю массаж на ступнях ног хождением по траве и земле.

- Идем, Катюша, позавтракаем и за работу.

Завтрак стоял на столе. Мария Петровна пригласила детей кушать. Таня заплела косу, убрала свою постель, почистила зубы, умылась и, потирая ладошки одна о другую, как это часто делал папа, сказала:

- Доброе утро, молодежь.

Позавтракав, Таня, Сережа и Катя пошли на ток, а Дмитрий Николаевич и Мария Петровна, когда справились с домашними делами, пошли следом.

Усердней всех работала Таня. Она взбиралась на большую кучу перенесенного зерна в амбар и ногами его разгребала в разные стороны. Она представляла, что она крот, лезла в середину кучи зерна и вылезала в другом конце. Фыркала, кряхтела, и к концу дня наработалась так, что ее еле уговорили отдохнуть и поесть, а через минуту Сережа увидел ее спящей. Он прикрыл Таню своей рубашкой, подозвал Катю и сказал:

- Счастье - то спит. Вот бы нарисовать. Самая лучшая кар-

тина была бы: «Хлеб и дитя».

К ним подошел Дмитрий Николаевич, держа кружку с водой.

- Полей, Сережа, я умоюсь.

Умылся и подошел к Тане. Аккуратно поднял дочь на руки и понес в приготовленную им из сухой травы, накрытой старым одеялом постель под раскидистым дубом.

- Моя ты труженица, умаялась, - шептал он, - Катя, приглядывай за Танечкой, а я пойду в сарай зерно носить.

- Хорошо, Дмитрий Николаевич, присмотрю.

Мария Петровна мешки с зерном носила наравне с Дмитрием Николаевичем. Учителя одолевала мысль, надо как можно быстрее убрать зерно до дождя. Поправив в очередной раз на спине жены мешок, он тихо сказал ей:

- Маша, отнесешь мешок, постой, отдохни, мужики уже в третий раз идут на перекур.

- Ты, Дима, лучше Сережу побереги, молод он еще, целый день мешки таскает.

Дмитрий Николаевич присмотрелся к сыну и удивился. Сережа нес мешок, его хрупкое тело ссутулилось от тяжести, по лицу тек грязный пот. Высыпав зерно из мешка, он торопился за следующим мешком.

- Да, - подумал учитель, Сережу надо отправить домой. Мы, старики, работаем разумно, а он, как жеребенок, галопом.

- Дмитрий Николаевич, Таня проснулась, - услышал он го-

лос Кати.

- Иду, - отозвался он.

Подошел к сыну и сказал:

- Сережа, бери Катю и Таню, идите домой. Ужин приготовьте и справьтесь по хозяйству.

- Но, пап…

-Э то не подлежит обсуждению. Кате без мамы удобнее, а то будет стесняться.

- Хорошо, - согласился Сергей.

- Катя, бери Танечку, идемте домой.

Сергей наносил воды, замесил корм поросятам и покормил их. Взял из сарая метлу, чтобы подмести во дворе, но, увидев стадо коров, идущее вразвалочку, остановился. Сытые буренки шли по пыльной дороге, слегка поднимая копытами пыль. Вымя у каждой было расперто от избытка молока и Сергею показалось, что вот сейчас каждая из них знает, что она кормилица, и за это каждую хозяева любят и холят.

- Богатеет село, - размышлял он ,- поля распаханы, засеяны.

В это время их телочка Майка, увидев Сергея, отделилась от стада и пошла к нему.

- М - у,- она дала о себе знать.

Сергей поставил метлу и пошел к ней навстречу.

- М - у- у- у - у, - еще нежнее и доверчивее промычала она и лизнула Сергею лицо.

Он обнял ее за шею и начал похлопывать, а затем гладить

по лоснящейся шерстке.

- Красавица, умница, сейчас я тебя напою, - говорил ей Сергей.

Он вошел в сени, налил в ведро воды, насыпал пригоршню муки, размешал и поставил перед Майкой.

- Пей, - убедительно говорил Сергей.

Майка выпила пойло, промычала и пошла в сарай. Сергей закрыл дверь на засов, вернулся, взял метлу и стал подметать двор. Соседка, бабка Фрося, увидела, что молодежь пришла одна, без стариков, решила посмотреть невесту Сергея. Увидев Сергея во дворе, поспешила к нему.

- Ты один пришел? - спросила она Сергея.

- Нет. В доме Катя и Таня.

- Спички закончилась, - молвила Фрося, - а в магазин идти за ними далеко.

- Иди, бабуль, в дом. Девчата дадут тебе спичек.

Костлявая, согнутая чуть ли не до земли, Ефросинья была в деревне очагом сплетен и интриг.

- Здравствуйте, девчата, я за спичками к вам. Дадите?

- Здравствуйте, бабушка, - поздоровалась с ней Катя и подала спички.

На плите стоял сваренный ароматный борщ.

- Что-то у тебя, голубка, так вкусно пахнет? - подходя вплотную к плите, спросила Фрося.

- Борщ ,- ответила Таня.

- А, что скворчит на сковороде?

- А это голубцы, - произнесла Таня.

Фрося без разрешения, сняла крышку со второй кастрюли и спросила:

-И каша рисовая? Ох, хорошо сварила, крупинка к крупинке.

-Угу,- на любопытство неодобрительно промолвила Таня, - Иди-ка ты, бабушка, со спичками домой.

Послеобеденный зной убавили грузные облака.

- Еще поработаем, накроем зерно брезентом и по домам, - сказал Иван Николаевич, председатель колхоза, - Кто сегодня по графику охраняет зерно? - спросил он.

- Я, - отозвался Дмитрий Николаевич.

Уставшие селяне возвращались домой после работы. Фрося, стоявшая у калитки, вытирала руки о подол фартука, поспешила к Марии.

- Угробилась, Маша? - и не дожидаясь ответа, ехидно продолжила, - а твоя молодайка и ужин приготовила, и в хате полный порядок. Я все проконтролировала. Она уже постиранное белье вывешивает.

- Спасибо, Ефросинья Пантелеевна, что доложила, теперь мне и глядеть ничего не надо, все знаю, что в доме делается, поем и спать лягу.

Фрося пошла прочь от Марии к подходившим людям.

- Сорока. Вот сорока. Голова вся седая, а как рот раскроет, знает весь поселок.

На пороге хаты показалась Таня.

- Мама, а мы с Катюшей ужин приготовили. Руки мойте с папой и к столу, - попросила она.

- Сейчас, девчонки, сейчас, чуток отдохну.

Она подошла к мужу, который, присев на скамью у калитки, задремал от усталости.

- Намаялся, - подумала она, - но будить не стала.

Она почувствовала в теле некое брожение, мышцы, как живые, то напрягались, то вновь расслаблялись. В висках стучало и перекатывалось, отдавая в уши, как волна прибоя. Мария попыталась встать, но в спину вступило так, как будто вогнали железный прут.

- Дима, - позвала она мужа.

- Ох, и устал я сегодня. Одно радует: сухое зерно в закрома ссыпаем, а работаем день за два,- произнес Дмитрий Николаевич.

Они с трудом поднялись со скамейки, и пошли в хату. Ароматный запах, и сытная пища сморили их, и они решили отдохнуть.

- Пап, а пап, - толкал Сергей Дмитрия Николаевича, - мы с Катей пойдем дежурить, а ты поспи, часов в пять утра сменишь нас.

Дмитрий Николаевич пробормотал сквозь пелену сна:

- Хорошо.

5.

В окнах забрезжил рассвет. Дмитрий Николаевич встал, оделся и, чтобы не разбудить Марию с Танечкой, вышел на

кухню, плотно прикрыв за собой дверь. В четыре утра сменил Сережу и Катю. Стащил брезент с вороха зерна. Взял в руку и долго рассматривал спелое сухое зерно, как золотую россыпь, потом положил в рот несколько зернышек, смачно разжевал и проглотил. Стали подходить мужики, кто постарше присели на бревна. Игнат Иванович, пуская колечки дыма, как бы, между прочим, сказал:

- Это сейчас спина болит, станем мешки носить, все пройдет. Женщины не садятся, знают, тяжело будет вставать. Чего-то хохочут, аж приседают. Пойду, послушаю, что это их так развеселило.

Подошел, стал чуть поодаль.

Алдошина Раиса Михайловна, оставшись вдовой, так и не вышла замуж. Поведение ее было примерное, только языком могла намолоть и про себя, и про других, чтобы развеселить и без того забитых работой и бытом жителей поселка.

- Так вот, бабы, я вчера куме Насте говорю, что приходил ее муж ко мне, посидел, я ему налила самогонки, он выпил, побыл со мной и ушел. А я в недоумении, - зачем он все-таки приходил ко мне? Сосед Николай, когда заходит, всегда говорит, зачем.

Женщины притихли и никак не могли взять в толк, как это Раиса осмелилась рассказать Насте об измене ее мужа. Бабка Фрося с ехидцей в голосе спросила:

- И как тебе ее муженек в постели?

-Хорош мужик,- уточнила Раиса.

Раздался общий хохот. Фрося не унималась:

- И что ж Настя сказала, зачем ее муж приходил к тебе?

- Не сказала. В том-то и беда, оказывается, и она не знает. Бог с ним с Трофимом. Настя перестала со мной здороваться, ума не приложу, что я ей плохого сделала,- рассуждала она.

Все смеялись. Игнат вмешался в их разговор:

- Хватит о мужиках, как гуси гогочете, идите, работайте, а вот и председатель на дрогах едет.

Бабы взяли лопаты, начали ворошить зерно, а мужики носить сухое в закрома. Никто никого не принуждал, не указывал, что делать, каждый делал свое дело, как у себя дома. Во время перекура к Сергею подошел председатель колхоза.

- Устал? - спросил он Сергея.

- Есть чуть-чуть, Иван Николаевич, через год мы с Верочкой вернемся в колхоз, примите?

- Опередил ты меня хлопец с вопросом. Позарез нужны на селе мастеровые люди. Профессия столяр редкая и нужная, поэтому на правлении колхоза было принято решение о выплате вам дополнительной стипендии от нашего хозяйства. За работу и тебе, и Катюше огромное спасибо. А что ж Вера не приехала? - поинтересовался председатель.

- Так нашу группу направили в другой колхоз на помощь. Это я написал заявление на директора училища и попросился в свой колхоз.

- Тебе нужно подтверждение дать, что работал в своем по-

селке, - засуетился председатель.

- Не надо, Иван Николаевич, мне и без документа поверят.

Председатель выделил повозку, чтобы Сергея и Катю Дмитрий Николаевич довез до станции. Провожали ребят, как самых желанных гостей. Когда сели в поезд, Сергей спросил Катю:

- Не жалеешь, что со мной была все это время?

- Наоборот, спасибо, что взял. Хорошие в поселке люди, работящие, мудрые и добрые. Особенно я прикипела душой к Тане, не смотря на возраст, она так много знает, с ней так интересно общаться, ей можно доверить свои сердечные дела.

- Она умеет хранить секреты, - сказал Сергей. Ей было, наверное, годика четыре, поехали мы с ней на велосипеде в соседнюю деревню, отвозили плетушки. Впереди на раме, на привязанной подушке сидела она, сзади у меня через плечо висели плетушки. При спуске под гору плетушки соскочили мне на голову, и мы с ней упали. Она разбила колени. Я ее попросил никому не рассказывать. А сам рассказал родителям. Они спрашивали, что с коленками. Она ответила, что упала, когда играла с подружками. Много раз мы с Верой проводили эксперименты над ней. Ей был годик. Я занимался на улице на турнике, ко мне подошли Вера и Таня. Вера мне и говорит:

- Давай попробуем Таню приучать заниматься на турнике.

Я согласился. Мы подняли ее, когда она ручками вцепи-

лась за перекладину, оставили одну. Она покраснела, но держалась, пока мы ее не сняли.

- Сережа, Дмитрий Николаевич души в ней не чает. Она у него как эликсир,- сказала Катя.

Под монотонный стук колес они не заметили, как заснули. Утром разбудил проводник, объявив их станцию.

Дмитрий Николаевич пришел из школы и принес на проверку тетради. Отдохнул и принялся писать тематический план и проверять тетради.

- Папа, давай я тебе помогу, - предложила Таня.

- Вначале мою проверь тетрадь ,- и он подал ей тетрадь и красный карандаш.

Вошла Мария Петровна и, не скрывая восхищения, молвила:

- Вы вдвоем трудитесь? Наверное, Танюша, ты будешь учителем, как папа?

- Мам, я папину тетрадь проверяю, но мне не интересно, у него нет ошибок.

- Может, ты еще не знаешь всех ошибок? - уточнила мать. Когда будешь учиться в школе, тогда и тетради учеников будешь проверять и папину тетрадь, а сейчас отдохни. Пойдем со мной нитки в клубок мотать.

- У-у-у, - недовольно произнесла Таня.

- Пойдем. Это тоже увлекательное занятие. Как только клубочек станет расти, к нам на помощь придет кошка.

- Не придет, - канючила дочь.

- А давай поспорим?

- На что? - спросила Таня.

- Если кошка придет, я тебя буду учить целую зиму вязать носки, вышивать гладью. Придешь в школу, станет учительница показывать, как первую петельку делать, а ты поднимешь руку и потом скажешь, что сможешь связать носок, вот тогда-то учительница и попросит тебя помогать ей в обучении девочек. Таня согласилась и пошла помогать маме мотать нитки.

Мария шепнула мужу:

- Поработай спокойно.

Как только в Таниных руках стал расти клубок, прибежала кошка, и стала с ним заигрывать, мешая ей наматывать нити.

Спор оставался в силе, Таня за зиму научилась вязать носки, вышивать гладью, но делала это без особого желания. Но, с удовольствием помогала по хозяйству, чистила и ласкала Майку, ухаживая за поросятами, беседовала с ними, давала зерно курам и гусям.

- Мам, - а сегодня им понравились зернышки, - говорила она, - пшеницу больше любят, чем ячмень.

Мария и Таня покормили скот и птицу, и пошли в хату. Разделись и Мария попросила:

- Таня, убери свои игрушки и будем вечерять.

Дочь села рисовать и на просьбу матери никак не реагировала. Мария подошла к мужу и тихо сказала:

- Посмотри, рисует, и делает вид, что не слышит, что про-

шу убрать игрушки. Дима, откуда у нее такое непослушание? Вольница. Захочет, сделает, не захочет - не заставишь.

- А ты ни неволь, заинтересуй чем-нибудь. Научила же ты ее, и вязать, и вышивать, а ведь также не хотела поначалу, - спокойно сказал Дмитрий. По вечерам отпускай с подружками погулять и обязательно подчеркни, что после хорошего труда нужен человеку отдых.

- Боюсь, простынет, она же, как снеговик приходит, - пояснила Мария Дмитрию.

-Пока они играют, двигаются, не замерзнет.

На этом их беседа окончилась.

6.

Весь день шел разлапистый снег. Таня ушла на прогулку, Дмитрий Николаевич проверял тетради. Мария готовила ужин. Забрякавшая щеколда скользнула по двери и с визгом стукнула о пробой. В хату шагнула заплаканная Таня.

-Т ебя кто-то обидел? - спросила Мария.

- Нет, - сквозь слезы произнесла Таня.

- А почему плачешь?

- Рукавицы не снимаются, - ответила дочь.

Мария потихоньку потянула с руки рукавицу. Таня от боли вскрикнула. Дмитрий Николаевич пришел на помощь.

- Мария, - в холодную воду окуни руки вместе с рукавичками, - они, как в панцире, - пояснил Дмитрий.

Освободили руки от рукавичек, натерли барсучьим жиром, подали чай с малиной. Таня стала согреваться. Потом рассказала родителям, что подружки из снега лепили дома, а в них мебель. А я лепила здание школы, потом в ней пять классов с партами, стульями и столами для учителей.

- Дмитрий улыбнулся и сказал жене:

- Подай ей книжку со сказками, не раздражай, сейчас она почитает и успокоится. Видишь, как наработалась.

Мария подала дочери книгу, а сама села рядом с мужем.

- Вот до чего гульки довели ребенка, а ты - не простынет, - журила она Дмитрия.

- Не простынет, она у нас крепенькая, тем более дочь сделала большое дело, построила школу и классы.

Обнял жену и поцеловал.

- А ты на нее - дикая кошка, своевольная, подчиняться не любит, а ведь это вся ты.

Мария взглянула на печь. Таня спала. Мария забрала из рук книгу, прикрыла дочь одеялом, затем поправила фитилек горевшей лампадки, которая висела над божницей.

- Пойду, и я лягу, - сказала она мужу.

Дмитрий дописал планы, лег спать за полночь, размышляя:

- Сережа и Вера в следующем году приедут с учебы, Танечка пойдет в первый класс, опять будем все вместе. Мария заботливая мать, но очень уж строгая, может оно и к лучшему, старшие -то дети не избалованные.

Он посмотрел на лозу и решил, пока она не высохла, надо доплести и съездить в город, продать плетушки.

- Деньги? Ох, как нужны деньги, чтобы всю семью обуть, одеть, прокормить, купить книги и школьную форму Тане, - думал он и не заметил, как уснул.

Мария коснулась плеча мужа и сказала:

- Вставай.

- Встаю, - протирая глаза, пробормотал он, - Маша, - сказал он жене, - я зайду на конюшню, чтобы договориться насчет лошади. В воскресенье поедем на базар. Продадим плетушки, добавим денег. Купим поросенка, соли, сахару, круп, масла подсолнечного, спичек, мыла.

- Хорошо, Дима.

- Мне пора, - сказал он и вышел.

Мария посмотрела в окно, Дмитрий закрывал калитку, и она отметила:

- Стройный. Жиреть сильно не с чего, и работает как вол. Сам захотел на старости лет еще раз отцом стать, понимает - стыдно выглядеть стариком. На болячки не жалуется, а каково ему приходится, чтобы превозмочь боль в суставах, делать все самому, но Таня дала ему второе дыхание.

- Снежок запорхал, кабы не завьюжило дорогу, - отходя от окна, - подумала она.

К ночи снег перестал, ветер стих и стал усиливаться мороз. В два часа ночи, уже тепло одетые и обутые, Татьяна и Мария сидели на подостланной Дмитрием старой шубе в

повозке. По бокам укрыл их одеялом, сел впереди, поднял кнут, и властно произнес:

- Но, пошла! Кто-то уже проехал, - сказал он, - След виден.

Часа через три были уже на базаре. Плетушки раскупили сразу. На вырученные деньги Таня выбрала кабанчика в черную крапинку.

- Папа, давай его мне на колени, ему теплее будет со мною, - попросила дочь и отец согласился.

Мария с Таней пошли в церковь заказывать сорокоуст по Тимофею, когда они вернулись, Таня спросила отца:

- Папа, а мы пойдем с тобой в книжный магазин?

- Обязательно пойдем. Купим себе и моим ученикам тетради, карандаши и альбомы.

Дмитрий и Таня за разговором не заметили, как подошли к магазину. Таня торопилась рассмотреть все.

- Папочка, можно я куплю себе книги?

Молчание отца затянулось, и вдруг он услышал слова Тани:

- Денежку мне дали Сережа и Вера со стипендии. Разреши купить.

Мария увидела в руках дочери книги и сказала:

- Хоть не заводи в книжный магазин. Теперь на еду не хватит.

- Хватит, мама, хватит, - как взрослая успокаивала Таня маму, - Это мои деньги.

Лошадь привязали, зашли в магазин, и начали закупаться.

- Мария, у нас на булку хлеба денег не осталось? - сказал Дмитрий Николаевич.

- Остались, - ответила она

- Купи булочку хлеба, - попросил он.

- И сыр, и конфеты, и даже колбаса есть, - прошептала Таня, - Пап, у меня еще есть деньги, давай маме селедочки купим, она ее любит, а скажем об этом только дома.

Домой дорога казалась не такой долгой. Лошадь бежала рысцой. Приехали, разгрузили покупки, отнесли поросенка Ваську к его сородичам.

- Маша, свари картошечки, я поеду, распрягу лошадь.

Таня дождалась отца. Они вышли в сени, почистили и порезали селедку, добавили мелко нарезанный лук, полили подсолнечным маслом и поставили на стол, на котором уже стояла вареная рассыпчатая картошка. Мария порезала купленный хлеб, увидев приготовленную селедку, у нее потекли слезы.

- Спасибо вам, мои родные. Мне так хотелось купить хотя бы две- три селедочки, но последние деньги потратила на хлеб,- сказала она.

-Мария, это Таня купила за деньги, данные ей братом и сестрой,- сказал Дмитрий.

-Спасибо, доченька,- поцеловав Таню, Мария заворожено смотрела на нее и улыбалась.

Все трое с аппетитом уплетали рассыпчатую вареную картошку с жирной пряной селедкой.

- Хлеб плохой, деньги на ветер, ты печешь на много лучше ,- сказал Дмитрий Николаевич.

- Они пекут потоком, кто размешивает тесто, кто солит, кто кладет в формы. Мука любит одни руки, хорошее и доброе настроение пекаря, тогда и получается выпечка на славу.

- Мам, а чай будем пить? - спросила дочь.

- Конечно, - ответила Мария, ставя на стол чашки, сахар и самовар. Вытащила из пакета школьные пирожные. Это за Танины деньги. Ребенок знает, что ты у нас сластена.

Отец обнял дочь, поцеловал и погладил по черным пушистым волосам. Слезы радости появились в глазах Дмитрия. Он радовался, как маленький ребенок, которому купили любимую игрушку.

- Ай, кошечка, всем угодила. Мать, теперь ты уверена, что мы на старости лет с голоду не умрем, - вытирая слезы кулаком, говорил Дмитрий.

После трапезы убрали со стола и решили отдохнуть. Таня читала купленные книги. К вечеру мама разрешила Тане покататься с горы на санках. На улице стояли Игнат Иванович и Фрол Степанович, оба курили скрученные козьи ножки. Таня приблизилась к старикам и бойко произнесла:

- Здравствуйте!

- Здравствуй, Танечка, что нового видела в городе? - спросил ее дедушка Игнат.

- Поросенка купили. С мамой ходила в церковь, заказали сорокоуст по дедушке Тимофею.

- Молодцы, - сказал Игнат Иванович, - но ты больше никому не говори, что ходили в Храм, а то папку начальство может наказать.

- Хорошо, дедушка, я никому не буду говорить, - сказала Таня. Потом обернулась и спросила:

- А про поросенка подружкам можно говорить?

- Про поросенка можно, - подтвердил дед Игнат.

Затянувшись дымком и выпустив колечки через нос, Фрол Степанович произнес:

- Дмитрий Николаевич и учитель, и коммунист, а сходили в церковь. Отлучают коммунисты народ от церкви, но насильно никого не заставишь плясать под свою дудку.

Санки Тани стремительно неслись под гору, разбивая белый, пушистый снег. Девочкам не удавалось быстро съехать с горы, и Таня давала им свои санки по очереди, чтобы и они насладились быстрой ездой.

- Пусть ваши родители смажут, как мой папа, полозья санок жиром, - уходя домой, сказала она, - тогда и ваши санки будут катиться под гору быстро.

Вернувшись, домой, Татьяна с порога спросила отца:

- Пап, а у нас есть еще жир?

- Есть. Зачем он тебе понадобился? - спросил отец.

- Дашь мне немножко, я завтра намажу полозья санок у девочек, а то мои хорошо катятся с горы, а их - нет. Я им сказала, а вдруг у них жиру нет дома.

Из другой комнаты вышел Егор Алексеевич, участковый

милиционер.

- Здравствуй, Танюша, нагулялась? - выспрашивал он, - твой папа гнал самогон?

В мыслях Тани пронеслись слова старшего брата:

- Никогда никому не говори, что мы самогон гоним.

- Дядя Егор, а что это такое, - спросила Таня.

Егор Алексеевич хотел убедиться в словах учителя, что дочь никогда не выдаст секрета и продолжал:

- А когда папа гонит самогон у вас сильно в хате жарко бывает?

- Отстаньте, что вы пристали ко мне,- и пошла прочь.

Как только ушел Егор Алексеевич, Таня подошла к столу.

- Пап, а мамка где? - спросила она отца.

Дмитрий почувствовал в голосе дочери тревогу, отложил тетради и произнес:

- Доченька, иди покушай и ложись спать.

- Я не могу спать, я не могу есть. Я предала тебя и маму. Я рассказала Игнату Николаевичу и Фролу Степановичу, что мы с мамой были в церкви и поставили сорокоуст дедушке Тимофею.

- Ну и что? Поставили и поставили.

- Они меня выслушали и сказали, чтобы я больше никому не рассказывала, значит, мне и им нельзя было говорить.

- Нет, котенок, им можно говорить, они не навредят ни мне, ни тебе, так что успокойся и пойдем с тобой поедим.

- Пойдем, - согласилась Таня.

Она поела и попила чай с малиной, и произнесла:

-Пап, я хочу спать.

Дмитрий отнес дочь на кроватку, присел рядом, она заснула, пошел продолжать проверять тетради. Мысли одолели его:

-Войну выиграли, врага победили, а теперь с кем, точнее, с чем воюем? Развели армии атеистов, бездельников, вот они по своей невежественности убивают веру в человеке. Добрую половину церквей позакрывали, колокола сбросили, но человеческие души не сбросить.

Из хлева вернулась Мария.

-Поросенку сухой соломы подстелила, маленький еще, замерзнуть может,- сказала она.

Дмитрий, погруженный в думы, промолчал, а потом промолвил:

- Что-то нездоровится, давай пораньше ляжем спать?

- Может, простыл? - забеспокоилась жена.

- Нет, наверное, переутомился.

Он разделся и лег, через некоторое время рядом легла Мария, стараясь не потревожить спящего мужа.

7.

Наступало последнее перед школой, полное хлопот Танино лето. Тонкий туман разливался молоком в воздухе, застилал отдаленные леса. Темноватые тучки расползались по

бледно-голубому небу. Большая, разлапистая ива хранила прохладу и покой. Она была настоящей спасительницей. Детвора в жару играла под ее кронами. Увидев своего пьяного отца, идущего домой, Саша попросил:

- Таня, - давай мы с папкой поиграем в прятки?

- Давай, - согласилась она.

Саша и Таня стали догонять друг друга, бегая, вокруг его отца и мешали идти.

- Вот я вам сейчас задам, только догоню, - заорал он и погнался за ними.

Дети стали бегать вокруг ивы, Спиридон Николаевич за ними. Голова у него закружилась, он сел около ствола дерева и, через некоторое время, уже, мертвецки спал.

- Счастливая ты, Танечка, твой папа всегда трезвый, а наш как ребенок слюнявый. Надо просить мамку, чтобы научила меня косить, заменю отца, - и вставая, обратился к сестренкам, которых отвели в сторонку от дерева, чтобы не сбить.

- Девчонки, помеха в труде ликвидирована, - пойдем маме по хозяйству помогать.

- Саша, мой папа сегодня уже ходил косить. Завтра обещал меня с собой взять,- сказала Таня, - если хочешь, пойдем с нами, он и тебя, и меня научит косить.

- Хорошо, - согласился Саша.

На следующий день ранним утром Дмитрий Николаевич, Таня и Саша подходили к делянке, выделенной семье Семеровых. Учитель, по-отцовски, показывал Саше, как держать

косу, объяснял, что упор на носик косы нельзя делать, иначе он будет входить в землю, а вот если на пятку и размах делать от плеча, спокойно - все получится. Пока Дмитрий Николаевич переворачивал скошенную траву, Саша пробовал косить, но у него не получалось. Учитель еще несколько раз показал, как надо держать косу, но Саше урок давался с трудом. Тогда Таня Саше говорит:

- Давай я тебе покажу?

- Сама не умеешь, - проворчал Саша, - ты когда-нибудь косила?

- Хочешь и это знать, - засмеялась Таня.

- Показывай, - насмешливо сказал Саша и отдал ей косу.

Дмитрий Николаевич поспешил к детям.

- Вот неуемная девчонка, чего доброго и Сашу, и себя поранит, - подумал он.

Таня стала косить так, как будто она взялась за работу после отдыха. Саша смотрел, смотрел, затем произнес:

- Давай теперь я попробую, сейчас должно получиться.

- Пробуй, но не волнуйся и не торопись, расслабься, душой учись принимать песню скашиваемой травы,- сказала девочка.

На этот раз и у Саши все получилось. Дети были довольны своим успехом в учебе. Несколько дней они ходили косить траву. Дмитрий Николаевич и Таня на свой участок, а Саша и его младшая сестренка Тоня на участок, выделенный для их семьи. Мать Саши, освободившись от работ по дому, по-

просила детей пойти с ней на покос.

- Мам, а делянку мы с Тоней скосили, сено высушено, осталось только привезти.

- А кто же тебя научил косить? - спросила мать.

- Дмитрий Николаевич, - ответил сын.

Разговор шел при трезвом Спиридоне Николаевиче. Узнав, что его ребенка научил косить не он, отец, а сосед, пусть и учитель, пошел к нему.

- Здравствуй, Дмитрий Николаевич, - спасибо, что научил моего Сашу косить. Горько мне и стыдно, обещаю, что с нынешнего дня больше ни капли спиртного.

Сено перевозили Дмитрий Николаевич и Спиридон Николаевич на двух подводах, а помогали им их дети. Когда после выполненной работы жена предложила Спиридону сто граммов с устатку выпить, он ответил:

- Все. Я больше не пью.

Все предвещало грозу. Черные тучи росли и ползли по небу, меняя свои очертания. Ветер содрогался в темных деревьях, так как ему было неуютно. Где-то далеко за небосклоном сердито и сухо ворчал гром. На небе непрерывно вспыхивали яркие, длинные, словно корневища деревьев, разветвленные молнии. Они вспыхивали, трепетали и вновь вспыхивали. Дождь шел целую неделю, но на редкость было тепло. Мужики обкашивали отросшую на своих участках траву. Весь потный, Дмитрий Николаевич вышел на опушку леса, снял рубашку. Таня полила воды на спину и потерла

ладошкой, а когда отец вытерся полотенцем, - сказала:

- Я уже приготовила еду, пойдем, поедим?

- И чтобы я без тебя делал? - произнес он. Сел на сухое сено, подстелив свою рубашку. - Таня, ты ешь яйцо с салом вприкуску с огурцом.

Таня смотрела на шрамы на отцовской спине. Сердце ее сжималось, а к горлу от жалости подступал ком, мешающий сглотнуть слюну. Она дотянулась до спины и пальчиками коснулась самого длинного шрама.

- Очень было больно? Ты плакал? - спросила она.

- Не помню, доченька, - плакал или нет, но было нестерпимо больно.

- Папочка, - а ты можешь мне рассказать, как это произошло? Я ведь уже взрослая.

- Конечно, не совсем взрослая, но понять можешь.

Он лег на спину и долго смотрел в небо, потом начал рассказывать:

- С нашего поселка воевали не только мужики, но и женщины со своими детьми. На детей мало кто мог подумать, но именно они с мамами поджигали, пускали под откос немецкие составы с орудиями и солдатами. Озверели немцы, согнали жителей поселка в сарай и подожгли. Меня и деда Фрола в теплушках, как скот, везли в Германию в концлагерь. Несколько месяцев мы работали на немцев, потом, когда узнали пленные друг друга, объединились и стали вредить.

- Как вредить? - спросила Таня.

- Мы собирали самолеты и знали, что они будут бомбить наши города и села, наших матерей и детей, поэтому в моторы стали добавлять самый обыкновенный горный песок. Самолеты не долетали до места и взрывались в воздухе. Немцы догадались, и меня прогнали сквозь строй солдат. Когда я потерял сознание, они решили, что умер и выбросили за территорию концлагеря. В это время немец, профессор, который был против войны, гулял со своим внуком, подобрали и выходили меня.

Дмитрий Николаевич замолчал, потом повернулся к дочери, обнял ее и произнес:

- Я жив. У меня есть ты. Я никогда не боялся сказать правду.

- А я хочу сказать, но боюсь. Во мне как будто бы два человека: один хочет, чтобы я не делала плохих поступков, а другой – постоянно твердит, что другие делают еще хуже и ничего, их никто не наказывает. Уступаю второму, который говорит, потом уберешь, а сейчас погуляй. С ним проще, легче, он мне во всем уступает, - произнесла дочь.

- Молчишь и не делаешь? - уточнил отец. Разве твоим игрушкам легко с тобой дружить, если ты вначале шьешь платье куколке, надеваешь на нее, причесываешь волосы, учишь читать и писать, потом сама ложиться спать в кроватку, а она с другими игрушками валяется на полу. Обижаешься на маму, что ругает за тобою же учиненный беспорядок, а раз-

ве она свои поварешки разбрасывает? Ты же не убираешь за нею ее вещи, а она убирает за тобой. И в поле мама, и по хозяйству мама, и кушать готовит мама, а ведь она надеется на тебя, ты ее помощница.

Таня потупилась и замолчала. Отец дотянулся до нее и провел шершавой рукой по ее волосам. Она благодарно посмотрела на него, в глазах затаились слезы.

- Я исправлюсь. Я попрошу у мамы прощения. Как ты думаешь, она меня простит, - спросила она у отца?

- Мама - единственный человек на земле, который всегда поймет и простит, - сказал Дмитрий Николаевич. Через неделю приедут Сережа с Верой, учись у сестры аккуратности.

- Мне мама уже разрешила стирать свои трусики и носочки.

Солнце стояло в зените, даже в тени было душно.

- Здесь поспим, или пойдем домой к маме? - спросил Дмитрий Николаевич.

- Домой пойдем, - ответила дочь.

Они собрали вещи в пакет. Дмитрий Николаевич взял косу и пакет, а Таня грабли, и направились по тропинке, ведущей в поселок.

8.

Сережа и Вера сдали экзамены, получили свидетельства и паспорта и возвращались домой.

- Я пойду с Катей попрощаюсь, - сказал Сергей сестре.

- Иди, я сама соберу сумки, у нас еще есть время до поезда, - дала ему денег и сказала:

- В кафе посидите. Ты же сегодня собираешься предложить руку и сердце своей Кате?

- Да, сестричка.

- Тогда букет цветов купи, а может колечко на память? Пригласи ее с нами поехать.

Сергей обнял сестру и произнес:

- Я так и сделаю. Благослови меня.

- С Богом, - сказала Вера, и перекрестила брата.

Сережа с Катей встретились около церкви. Он подарил ей букет цветов и спросил:

- Катя, служба еще не закончилась?

- Нет еще. Сегодня Большой Спас, - ответила она.

- Может, зайдем в церковь? - предложил Сережа девушке.

И они, осенив себя крестом, вошли в здание церкви. Сергей подошел к бабушке, которая продавала иконы, церковные книги и попросил женское колечко « Спаси и сохрани», примерил на безымянном пальце Кати и, расставшись со старушкой, сказал девушке:

- Это тебе.

Подошли к иконе «Божья Матерь», поставили свечку, и Сережа молвил:

- Катя, будь моей женой?

- Я согласна, - ответила она.

Они достояли до конца службы, потом пошли в кафе. Заказали бутерброды с сыром и колбасой и по стакану чаю.

- Поедем на выходные со мной к моим родителям? - предложил он Кате.

- Не могу. У меня дома неприятности. Родители решили развестись. Обоих жалко.

- А что случилось? - полюбопытствовал Сергей?

- Я не знаю, все было хорошо, и вдруг вчера в письме мама сообщает об этом. Пойдем, а то опоздаем, - сказала Катя.

Они вышли и, взявшись за руки, пошли к Верочке. Время брало свое, становилось темно, поэтому Сережа запретил Кате ехать на вокзал. Попрощались в комнате.

- До встречи, невестка, - обнимая Катю, шепнула Вера, и подружки поцеловались.

- Вера, береги Сережу.

Сережа и Вера доехали до железнодорожного вокзала, сели в общий вагон, разместили свои вещи.

- Сереж, а ты знаешь, что в сорока километрах от нашего поселка нашли руду, и теперь будут строить город, потребуются рабочие. Может, поедем? Мы же с тобой строители.

- Мы с Катей договорились жить и работать в колхозе, да и председатель нас ждет. Нет, мы никуда не поедем.

- Тогда и я дома останусь, - обронила она.

Они, сидя, заснули. Поезд остановился.

Дмитрий Николаевич и Таня ждали их на перроне. Вера вышла из вагона первая, Сережа подавал ей большие сум-

ки с постельным бельем, подушками, одеялами, одеждой и обувью, спрыгнул с подножки, когда Верочка уже целовала сестричку. Поздоровался с отцом, поднял Таню на руки и спросил:

- Заждались?

- Заждались, - ответила Таня и прижалась к небритой щеке брата.

- Пап, ты всегда бреешься, а Сережа наш - не Сережа, а ежик!- и, озорно закатилась детским смехом, поглаживая рукой его щетину.

Продолжая держать на руках Таню, Сережа подошел к отцу и сказал:

- Через полчаса откроются магазины, поедем, купим нашей будущей школьнице, вот этой, - и, тетёхая ее на руках, все к школе.

- А откуда у вас деньги? - спросил Дмитрий Николаевич.

- Мы получили повышенную стипендию, - ответил Сергей, - ставя сестричку на землю.

Вера спросила у Тани:

- Голубушка, ты не проголодалась?

- Мы с папой рано выехали, - проголодалась, - ответила сестра.

Вера посадила сестренку на сани, налила в кружку молока, отломила кусок хлеба и подала ей. Таня сделала несколько глотков.

- Теплое еще молоко, вкусное, - сказала она и начала пить

вприкуску с хлебом.

- Таня, хочешь, расскажу историю про тебя маленькую?

- Конечно, - допивая молоко, заинтересовалась она.

- Тебе был годик. Мама в колхозе полола свеклу, папа был в городе, его пригласили для награждения за хорошую работу. Мы с Сережей пасли коров, подошла очередь нашего двора. Мама оставила тебя дома. Постелила на полу большое одеяло, наложила подушек, игрушек. В обед пришла посмотреть тебя, заглянула в окошко и обомлела. Ты одну руку окунала в тарелку с молоком и облизывала пальчики, а второй рукой отгоняла маленьких ужей, которые пытались пить молоко. Она заскочила в хату, схватила тебя на руки, а они уползли в отверстие земляного пола.

- А меня они не укусили? - спросила Таня.

- Нет. Они, наверное, понимали, что ты маленькая.

- А где же они теперь живут, что кушают?

- Мы когда перешли в новую хату, сделали пол деревянный, они уползли, но мама им в блюдечке ставит молоко, - сказала Вера.

- А они пьют? - спросила Таня.

- Кто ж откажется от такой вкуснятины. А ты их боишься?

- Нет, не боюсь, их, где мы собираем клубнику, много, - пояснила Таня.

- Девчонки, идемте в магазин? - сказал Сергей.

Тане купили осеннюю и зимнюю одежду и обувь, школьные принадлежности, но больше всего она обрадовалась

школьной форме, белому и черному фартуку и белоснежным кружевным воротничкам. Дмитрий Николаевич в это время закупался в продовольственном магазине. Сделав покупки, они отправились домой. Дмитрий Николаевич и Сергей сидели впереди, а сестрички, укрывшись одеялом, сзади.

- Вера, расскажи что-нибудь еще про меня маленькую, - попросила Таня.

- Хорошо, - согласилась Вера.

- Тебе было больше двух лет, ты хорошо разговаривала, и ходила, куда хотела по поселку одна, но со стороны мы всегда наблюдали за тобой. Родители построили новую хату, и я ее снаружи замазывала глиной. Работа была для меня тяжелая: я перемешивала глину, песок, добавляя коровий навоз и воду, носила сбитую глину к хате и бросала на стену, затем приглаживала. Про тебя я забыла. Ты сошла вниз сада, пролезла в дырку забора и ушла в лог, на склоне которого рос орешник. Палкой растревожила кучу муравьев, они полезли тебе на ноги и стали кусать. Прибежала ко мне в слезах.

- Почему ты плачешь? - спрашиваю я, а ты мне:

- У Повальной мокари.

Не могу понять, где ты была и, кто там тебя так напугал.

- Пойдем туда, где ты была? - предложила я.

- Привела ты меня в орешник к большой провалившейся яме, наполненной водой. В поселке говорили, у Провальной ямы, а мокари - это муравьи. Я смазала одеколоном муравьиные укусы и уложила тебя спать. Вообще, ты у нас вольница,

избаловал тебя папка.

- Зато мама наказывает за проделки. Вчера била, даже папа не мог заступиться,- пожаловалась Таня сестре.

- Больно было? - спросила Вера.

- Не больно, обидно, - уточнила она, - но я папе дала слово, что буду всех слушаться и помогать.

Мария стояла у калитки, ожидая детей и мужа, когда лошадь остановилась, она подошла, поздоровалась и сказала:

- Вот мы все снова вместе, - поцеловала Веру, Сережу, и Танечку. Сняла ее с саней, так и стояла с ней, держа на руках, пока Дмитрий Николаевич и старшие дети не занесли вещи.

- Я по тебе очень соскучилась, - ворковала Мария, ставя Таню на землю.

9.

Из соседней деревни повидать внуков пришла мать Марии, Дарья Трофимовна. Жаркий изнуряющий день близился к концу. Воздух прогрелся настолько, что даже в тени тяжело было дышать. Ужин готовили на костре в саду. Дмитрий Николаевич полез на чердак за салом, чиркнул спичкой, посмотрел с какой стороны можно отрезать с прослойкой кусок от подвешенного закопченного заднего окорока, погасил спичку и бросил. Спустился с чердака. Мария уже порезала свежие огурцы и помидоры, поставила на стол отварную молодую картошку и порезала сало. Повечеряли. Сережа и Вера ушли на другой конец поселка к друзьям. Танечка, устав-

шая после поездки, заснула, и папа отнес ее в хату. Мария, Дарья Трофимовна и Дмитрий Николаевич посидели, поговорили и тоже легли спать.

Крышу хаты охватило огненное зарево. Горело сухое сено, которое лежало на чердаке, горела соломенная крыша, горел сухой потолок и рушился. Бревна и горящая солома летели на спящих людей. Вера и Сережа уже шли домой, когда они увидели, как над крышей их хаты взметнулся огненный столб. Они бежали сломя голову, когда открыли входную дверь, ветер неистово подхватил с новой силой пламя, раздувая его.

- Горим, - закричал Сергей.

Дмитрий Николаевич метнулся к кроватке дочери. Пусто.

- Выходите, - кричал он, - все сгорим заживо.

Потолок рухнул, и пламя охватило хату внутри.

- Таня, Таня, - кричали все.

Но ее нигде не было. Сергей облил отца водой и тот ринулся в горящий дом.

- Танечка, - сорвав голос, - кричал он. Танечка, отзовись, где ты?

Он услышал дрожащий голос дочери.

- Я под кроватью.

Сорвав ватное одеяло, укрыв дочь, он выскочил вместе с нею из огня. Теперь все были на улице и смотрели на догорающую хату. Жители поселка бежали на помощь с ведрами, тушить было нечего, все сгорело. Долго стояли, размышля-

ли, от чего мог произойти пожар? Мария подошла к мужу, пристально посмотрела на него, и без слов все поняла.

- Дима, хватит у нас сил построить хороший дом?

- Хватит, - ответил он, - еле шевеля пересохшими губами, произнес, - это я виноват.

- Не кори себя, ты ж не специально, - произнесла Мария, - нас четверо взрослых людей, соседи помогут.

На пожарище, верхом на коне, подъехал председатель колхоза. Подошел к Дмитрию Николаевичу и рядом с ним стоявшему Сергею.

- Здравствуйте. Беда-то, какая, но ничего, одолеем. Утром на наряд не приходите,- обратился он к колхозникам,- все, кроме животноводов и доярок, едем в лес пилить бревна. А вы, Дмитрий Николаевич, идете сейчас к конюху за лошадьми.

В течение нескольких недель дом был построен. Старики, покрякивая, да, попыхивая дымком, крыли крышу черепицей. Затем женщины поселка мазали и белили. Председатель выдал Сереже и Вере подъемные деньги. Они уже работали в токарном цехе колхоза, а семье выдал материальную помощь. Часть денег была потрачена на покупку сгоревших вещей, приготовленных Тане к школе.

Первое сентября было радостным. Семеровы переселились в выстроенный дом. И теперь Дмитрий Николаевич с Таней, которая несла большой букет цветов своей первой учительнице, шли к зданию школы.

- Это Вам, Наталья Ивановна, - подавая букет, сказала Таня.

Таня была подготовлена к школе. В классе она выполняла более сложные задания, которые давала ей учительница, сделав их, она вертелась, строила рожицы одноклассникам, разговаривая, мешала Наталье Ивановне вести урок, за это очень часто стояла в углу.

Бронзовые, окрашенные охрой листья слетали с берез и ложились на холодную траву. Как погремушки, летели семена с акаций и неслись по поселку, заваливая чадящие дымом костры. Дни напролет сыпал нудный холодный дождь. Дикие гуси и журавли строились в блеклом пасмурном небе в клинья и, издавая прощальные звуки, уплывали в сторону, туда, где тепло и сытно. Постепенно не стало грачей, а вместо них появились носатые черные вороны, неуклюже прохаживающиеся по прелой мокрой траве, досаждая жителям поселка своим резким трескучим карканьем. Вперемежку с дождем начинали срываться снежные хлопья. Грязь то подмерзала, то вновь раскисала вязкой черноземной жижей.

Иногда Дмитрий Николаевич замещал Наталью Ивановну, зная, что дочь не готовила домашнее задание, говорил:

- К доске идет Семерова Таня.

- Дмитрий Николаевич, Вы же знаете, что я не учила, - лепетала с места дочь.

- Два. Вчера, с девчонками, не смотря на сырость, моталась по поселку. Сегодня после занятий в школе сделаешь,

вначале вчерашнее домашнее задание, а потом сегодняшнее, тебе ясно? - спросил Дмитрий Николаевич.

В это время Таня злилась не только на отца, но и на весь мир. Хотелось сделать ему что-нибудь на зло, но отец был строг и не приклонен. Она плакала, грызла ногти, хлопала крышкой парты.

Дети в классе притихали, переглядывались, и, зная, что если отец не дает спуску Тане, то и с них спросит по всей строгости. Но возвращалась Наталья Ивановна, и Таня опять получала пятерки. Сделав уроки, она шла на работу к брату и сестре. Домой они приходили глубокой ночью, поэтому Таня приносила мамой приготовленную еду и уносила посуду обратно. Сережа и Вера с разрешения председателя колхоза Ивана Николаевича в их нерабочее время делали для дома мебель, а она убирала стружки, сортировала гвозди и восторгалась новой резной, добротно сделанной деревянной кроватью, кухонным столом и стульями. Татьянина комната была уже обставлена мебелью: детская кровать, письменный стол, стул с красивой фигурчатой спинкой, пенал для книг были сделаны руками брата и сестры. Дмитрий Николаевич гладил мебель рукой и восхищался. Мама выткала за зиму ковер и постелила на деревянный пол в ее комнате, а Таня вышила цветочки на наволочках.

Деньги, которые зарабатывали Сережа, Вера и Дмитрий Николаевич, шли на покупку одежды и обуви для всей семьи.

10.

Постепенно зима обессилила и уступила место весеннему ветерку и яркому солнышку. Из здания сельского совета вышла бабка Фрося. Остановилась около рупора, закрепленного на столбе. Подняла голову и стояла, как завороженная, потом поправила соскочивший с головы платок и заспешила навстречу ей идущим Игнату и Фролу.

- Слышали? - зачастила словами, словно рассыпая горох, - спросила она их.

- Что слышали?

- Наш мужик улетел, - и она подняла голову и, устремила взор к солнцу.

- На солнце что – ли полетел? - захохотали старики,- жить надоело?

- На солнце? - передразнила их она, - в небо полетел.

- Иди, Фрося, и сплетни не распускай, - сказал Фрол.

К ним подошли школьники.

- А вот мы сейчас спросим у Тани, - молвил Фрол.

- Таня, - ты радио слушала?

- Да, - произнесла она. - Сегодня осуществлен первый полет человека в космос на корабле «Восток». Это наш Юрий Гагарин.

Игнат задумался, посмотрел в небо, и спросил:

- А что ж его не видать? И когда он оттоль возвращаться будет?

- Так он был в космосе около двух часов, и уже призем-

лился в Саратовской области, - пояснила Таня.

- Это, что, получается, - спросил Игнат Фрола, - мы и тут первые во всем мире?

- Выходит так, мы и здесь на белом коне, - убедительно согласился собеседник, - и добавил, - хорошо, что сегодня дождя не было, а то бы Гагарину пришлось приземляться в грязь.

Они шли домой, и любовались юной весной. Небо казалось бездонным океаном синевы, растекающейся от горизонта до горизонта. Снег на склоне бугра стаял, и стала показываться молодая зеленеющая трава, возвращая новую жизнь. Мальчики играли в футбол, девочки в волейбол и лапту. Учебу Таня совсем забросила, интерес к занятиям пропал. Это видел и понимал отец, это понимала и Наталья Ивановна. Однажды во время перемены она подошла к нему и сказала:

- Дмитрий Николаевич, меня волнуют поведение и учеба Тани.

- Меня тоже, - ответил он и спросил, - какие будут предложения?

- В мае месяце к нам приедут инспектора из района для проведения итоговых контрольных работ и перевода учащихся в следующий класс. А что, если Таню посадим во второй класс? Напишет контрольную по математике на пять, можно переводить сразу в третий класс, потому что по остальным предметам ее можно переводить, хоть в пятый.

- У нас же только начальная школа, - задумчиво произнес Дмитрий Николаевич. Она еще маленькая. В следующем году перейдет в четвертый класс и пойдет в восьмилетнюю школу. Каждый день пять километров с тяжелым портфелем туда и пять обратно. По плечу ей будет такая ноша? Я посоветуюсь с женой и старшими детьми, завтра дам ответ.

Вопрос обсуждался на семейном совете в присутствии Тани. Первая этому предложению обрадовалась она, чистосердечно, сказав:

- Мне так скучно стало учиться, я не знаю, куда себя деть, поэтому балуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.